

Ярослав Северцев

**Чужое небо.
Штрафник**

Ярослав Северцев
Чужое небо. Штрафник

«Автор»

2026

Северцев Я.

Чужое небо. Штрафник / Я. Северцев — «Автор», 2026

Его звали Максим Ким. Офицер космического флота, элитный абордажник, гордость Империи Аргос. Его мир сожгли хоросы — древняя раса пепельных мумий. Спасательный бот упал в болото. Броня — в дребезги. Оружие — на дне. Выжил только он и голос в голове: ИБИ, имперский боевой имплант с базой данных целой цивилизации. Земля. 1941 год. Советский Союз. Имя — Алексей Волков. Здесь нет звездолетов и плазмы. Здесь — окопы, грязь, кровь и немецкие танки, прущие на Москву. Красноармейцы отступают, у артиллерии нет снарядов, а враг ломится в ворота столицы. Но у Алексея есть ИБИ, анализирующий любую технику за секунды. Есть кулаки, ломающие кости. Есть знание того, как побеждать. Он пройдет штрафбат, соберет вокруг себя отчаявшихся и превратит их в элиту. Он создаст из консервных банок оружие, от которого горят немецкие танки. Он не хотел этой войны. Но он выжил, чтобы ее закончить.

© Северцев Я., 2026

© Автор, 2026

Ярослав Северцев

Чужое небо. Штрафник

ПРОЛОГ

Звезды умирали над головой Максима Кима.

Он не видел этого сам — иллюминаторы абордажного бота «Стикс» были залиты свинцовой пеной активной брони. Но внутреннее чутье, годами тренированное и многократно усиленное имплантами, орало: большой флот рассыпается.

Война за Господство шла уже двенадцать циклов. Империя Аргоса — колыбель человечества, планета, вдвое больше Земли с ее океанами, — стояла насмерть. Их противник, раса хоросов, оказался даже страшнее, чем первые разведзонды докладывали Совету Старейшин.

— Ким! Третья волна идет! — голос сержанта Харитонов прорезался сквозь треск интеркома.

Максим дернул фиксаторы штурмового костюма. «Крепость»-модель «Аргос-V» — три слоя карбопласта, реактивная система гашения удара и встроенный блок ИБИ. Не броня, а второй скелет, хранящий жизнь при температурах, близких к поверхности звезды, и в открытом космосе, где давление пытается вывернуть тебя наизнанку.

— Ничего не вижу, — бросил он формально.

Имплант загудел привычно, на грани восприятия. Секунду, Макс. Иницирую нейросенсорную привязку к внешним камерам бота.

Перед глазами вспыхнула картина, от которой кровь стынет в жилах даже у офицера абордажной группы с пятью десятками подтвержденных захватов.

Пространство над дальней туманностью Сварога горело.

Флот Империи — гордость человечества, тысяча дредноутов, крейсеров и эсминцев — пытался построить оборонительную сферу. Но хоросы не играли по правилам. Их корабли — безобразные сгустки черной кости и металла, похожие на застывшие комья боли — не выстраивались в линии. Они появлялись. Прыжками из подпространства они вклинивались прямо в центр боевых порядков, и тут же начинали выпускать облака пепла.

— Это не пыль, — прошептал оператор наведения где-то рядом.

— Знаю, — оборвал его Максим.

Он знал. Учебные голограммы не передавали ужас хоросов. Только в реальном бою понимаешь, почему пепел — их главное оружие. Каждая частица — нанобот-хищник, прожигаящий силовые поля и превращающий органику в ту самую серую массу.

В прорези обзорного экрана Максим увидел линкор «Святой Император» — флагман флота. Его корпус, похожий на шипастую дубину, начал оплывать. Силовые щиты мигнули и погасли, и корабль просто рассыпался. Двадцатитысячная команда — мгновенно исчезла в вакууме.

— Абордажные группы, внимание. Отбой. Повторяю: отбой. Флот отступает к Аргосу. Всем боевым единицам прорыв к точке «Омега-7».

Голос адмирала Сеченова звучал неестественно спокойно. Слишком спокойно. Так говорят, когда знают, что это последний приказ!

«Стикс» тряхнуло так, что Максима с креслом подбросило на полметра.

— Попадание! — заорал пилот. — Левый маршевый снесен! Мы падаем в гравитационный колодец третьего газового гиганта!

— Не паникуй, — приказал Ким, хотя сам чувствовал, как желудок подкатывает к горлу. Он активировал ИБИ на полную мощность.

— ИБИ, анализ повреждений. Сценарий выживания для экипажа из двенадцати человек.

Голос в голове пришел спустя одну десятую долю секунды. Спокойный, с легкой металлической ноткой — именно такой тембр Максим выбрал восемь лет назад при вживлении.

— Командир, четыре пробоины в корпусе. Нарушена герметизация отсеков А и Б. Сержант Харитонов, рядовые Хельд, Йенсен, Сато — без признаков жизни. Модуль гиперперехода уничтожен. Прямое попадание в ангар с боеприпасами. Вспышки нейтрино указывают на то, что реактор через семь-девять минут пойдет в разнос. Рекомендация: эвакуация.

Ким рванул фиксаторы, отстегнул оружейную систему — двухствольный импульсник «Гроза», способный превратить пехотный бункер в металл — и бросил взгляд на выживших.

Семь человек.

Восьмой — пилот — уже бился в истерике у пульта, пытаясь перезапустить двигатели.

— Отставить пилотирование, — рявкнул Максим по голосовой связи. — Все к спасательным ботам. Приказ.

— Но куда, командир? — выдохнула рязовая Миранда, самая молодая в группе. Ей было девятнадцать аргосских лет. Она только вчера получила допуск к штурмовым операциям.

— В точку «Омега-7» не успеваем, — отрезал Максим. — Значит, идем вниз. Третий гигант. У него есть спутники. Один из них с кислородной атмосферой. Кажется, он назывался...

— Земля, — закончил за него ИБИ. — *Планета четвертого кольца. Атмосфера пригодна для дыхания. Уровень технологического развития — примитивная аграрно-индустриальная цивилизация. Гравитация — 0,98 от стандарта Аргоса. Настоятельно не рекомендую. Местные биологические формы могут быть опасны*.

— У нас нет выбора, — сказал Максим.

Он вышиб аварийный люк кулаком — усилие, которое обычный человек сломал бы себе кисть, но «Крепость» компенсировала, вкалывая ему коктейль стимуляторов прямо через спинномозговые каналы. В коридоре клубился дым, пахло горелым карбопластом и озонированной кровью.

Спасательный бот был всего один. Герметичная капсула на четырех посадочных местах, рассчитанная на сигнал маяка и автопилот.

— Загружайтесь, — приказал он.

— А вы? — спросила Миранда.

— Я вас прикрою.

Это была ложь. В «Стиксе» не осталось ничего, что можно было бы прикрыть. Просто бот не рассчитан на двенадцать человек, и уж точно не на командира в полном штурмовом облачении.

Когда капсула отстрелилась, Максим уже бежал к запасному выходу — малому аварийному челноку. Одноразовое ведро с тормозными двигателями и атмосферной капсулой. В лучшем случае он долетит до планеты куском металла, а не облаком плазмы.

— ИБИ, расчет траектории.

— Начал расчет. Командир, шасси челнока повреждены. При посадке будут перегрузки на грани вашей биологической переносимости даже с учетом моей поддержки.

— Рассчитай так, чтобы не убило. А остальное — переживем.

Максим задраил за собой люк. Ручное управление. Автопилот сдох вместе с левым маршевым «Стикса».

Перегрузки вжали его в кресло с силой рук великана. Челнок рванул в сторону газового гиганта, потом проскользнул в щель между его кольцами и устремился к одинокой голубой точке на гравитационном радаре.

Земля.

Маленькая. Беззащитная. Ее цивилизация, судя по нейтринному сканированию, не знала даже элементарных законов искривления пространства. Они грызли свою планету экскаваторами и воевали друг с другом с нефтяными движками.

Позади раздался титанический всплеск энергии. «Стикс» только что превратился в искусственную сверхновую.

— Расчет посадки завершен.

— Врубай.

Вход в атмосферу челнок не выдержал. Жаропоглощающие панели отвалились на первом слое, как чешуя с большой рыбы. Посыпались датчики, лопнуло остекление. Максим зажмурился и почувствовал, как «Крепость» начинает трещать по швам.

— Перегрузка 9 g. Еще четыре секунды до разрушения тормозной системы.

— Держи нас! — заорал Ким, вцепляясь в кресло с такой силой, что металлические подлокотники погнулись.

— Не могу. Мы падаем.

Аварийным системам хватило трех секунд, чтобы окончательно отказать. Максим мельком увидел в последнюю секунду работы обзорного экрана бескрайнее зеленое море лесов, извилистую ленту реки и черное пятно болота.

Удар.

Сознание вырубилось мгновенно.

Глава 1. Падение

Он умер бы в болоте, если бы не ИБИ.

Максим Ким, старший лейтенант бордажной группы Империи Аргос, командир звена «Стикс», не помнил момента удара. Сознание отключилось еще до того, как челнок коснулся поверхности, — перегрузки в 9 g пережали сосуды, и мозг, спасая себя, просто вырубил рубильник.

Он не помнил, как его тело, зажатое в изуродованном кресле, пробило слой торфа и ушло в черную жижу на три метра. Не помнил, как «Крепость» — его гордость, штурмовой костюм стоимостью в годовой бюджет небольшой колонии — принимала на себя основную энергию удара, лопааясь по швам, разлетаясь карбопластовыми пластинами, превращаясь из брони второго скелета в грудку бесполезного металла.

Не помнил, как всплыл лицом вверх, потому что герметичный шлем, единственное, что чудом осталось целым, сработал как поплавок.

Он пришел в себя от холода. Ледяная вода затекала под разбитый воротник, и это было настолько неприятно — на Аргосе не было болот, Аргос был планетой-садом с идеальным климатом — что мозг отказывался верить в реальность происходящего.

Боль пришла следом.

Вся сразу.

Максим попытался вдохнуть и закашлялся — в легкие попала вода. Он перевернулся на спину с усилием, которое показалось ему подвигом. Правая рука не слушалась. Левая работала еле-еле. Ребра саднило так, будто по ним проехался тяжелый транспортер.

— ИБИ... — мысленно позвал он.

Тишина.

Холодная паника сжала горло сильнее, чем болотная жижа. Только не это. Только не остаться одному. Без ИБИ он даже не узнает, жив ли еще флот, можно ли подать сигнал, есть ли шанс вернуться.

— ИБИ, мать твою, ответь!

...перегрузка... система восстановлена... — голос в голове пришел с помехами, как старый аналоговый радиоприемник. — Командир... вы живы. Это... хорошо.

— Где мы? — он попытался сесть и едва не закричал от резкой боли в пояснице. Позвоночник, кажется, уцелел, но мягкие ткани были разодраны в клочья.

Интегрирую сенсорные данные... ждите... завершено. Командир, мы находимся на планете Земля. Местное название региона — Западная Сибирь. Ближайший населенный пункт в семнадцати километрах к юго-востоку. Атмосфера пригодна для дыхания. Гравитация — 98 процентов от стандарта Аргоса.

— Связь с флотом?

...нет. Гиперпередатчик утерян вместе с хвостовой частью челнока. Я провел диагностику — от нашего оборудования остались только я и... пожалуй, всё.

Максим закрыл глаза. Вспомнил «Стикс», разрываемый на части. Харитоновна, которого размазало по переборке. Миранду, которая, наверное, даже не поняла, что умерла. Флот, отступающий к Аргосу. Им бы сейчас добраться до точки «Омега-7»...

— Что с моим телом? — спросил он, чувствуя, как вода добирается до подбородка. Надо было выбираться. Болото не собиралось отпускать его просто так.

Диагностика завершена. Закрытый перелом двух ребер. Сильное сотрясение мозга. Многочисленные разрывы мягких тканей. Левая ключица треснута. Правый коленный сустав выбит. Внутреннее кровотечение — слабое, но есть. Без медицинской помощи вы протянете... от четырех до шести часов. С моей помощью — максимум двое суток.

— Отлично. Просто замечательно. — Максим стиснул зубы и перекатился на живот. Жижка чавкнула, принимая его обратно, но он ухватился за корягу — обычную гнилую корягу, спасшую ему жизнь — и начал выползать.

Метр. Второй. Третий.

Рука скользила по черной воде. Ноги отказывались грести. ИБИ тем временем тихо, но настойчиво подкачивал в кровь адреналин и его синтетические аналоги, выжимая из разбитого тела последние резервы.

Когда вода осталась позади, Максим рухнул лицом в мох и потерял сознание.

На этот раз — надолго.

Кузьмич увидел дым еще утром.

Он шел на свой охотничий кордон, проверяя капканы. Ранняя весна 1941 года выдалась холодной, снег сошел только в апреле, и болота стояли мутные, опасные, полные талой воды. Старик не любил это время — кости ныли, старые раны напоминали о себе, и один черт знал, почему он до сих пор не перебрался в деревню к детям.

Дым был странный. Не костер — слишком слабый. И не лесной пожар — пахло не горелым деревом, а чем-то чужим, металлическим.

Кузьмич снял винтовку с плеча и пошел на запах.

То, что он увидел на болотистой поляне, заставило его перекреститься. Обломки металла — но не ржавое железо, а какой-то блестящий, светлый сплав, которого он отродясь не видел. Среди обломков — воронка, будто от авиабомбы, и в ней, лицом вниз, лежал человек.

— Господи Иисусе, — прошептал дед и бросился к нему.

Человек был в странной одежде — что-то вроде панциря, но легкого, разбитого на куски. Шлем на голове — не каска красноармейская, а гладкий, темный, с непонятными вставками. Кузьмич перевернул тело и охнул.

Лицо — молодое, лет двадцати пяти. Бледное, как полотно. Губы синие. Без сознания.

Старик приложил ухо к груди — сердце билось. Слабо, но билось.

— Живой, родимый, — сказал он сам себе. — Как же тебя угораздило-то, летчик? Или не летчик?

Он огляделся. Ни самолета поблизости, ни парашюта. Один человек среди обломков странного корабля.

— Будь что будет, — решил Кузьмич.

Он кое-как взвалил бесчувственное тело на плечи — тяжелый оказался, хоть и худой — и потащил к кордону. Четыре километра по тайге с ношей за сто двадцать килограммов для бывшего солдата Империалистической войны, разменявшему седьмой десяток оказалось той еще задачей!

К вечеру Кузьмич уже не чувствовал ни рук, ни ног, но человека доволоч. Положил на нары в своей избушке, растопил печь, согрел воды. Раздевать пришлось ножом — одежда на незнакомце была странная, не шитая, а будто литая, и держалась на каких-то ремнях из непонятного материала.

Тело молодого мужчины было в ужасном состоянии. Синяки, ссадины, нога распухла, ребра — старый солдат сразу понял — сломаны. И худющий. Кожа да кости.

— Эх, сынок, — вздохнул Кузьмич, промывая раны. — Долго ты у меня лежать будешь. Максим очнулся на пятый день.

Четыре предыдущих он провел в бреду. Температура поднималась до сорока, ИБИ боролся с воспалением сутками напролет, но без лекарств и нормального медицинского оборудования имплант мог только поддерживать жизненно важные функции и потихоньку подстегивать регенерацию.

— Командир, вы снова в сознании? Прошу ответить.

Максим открыл глаза. Над ним был бревенчатый потолок, пахло дымом, сушеными травами и чем-то мясным. От запаха у него свело судорогой живот!

— В сознании, — прошептал он пересохшими губами. — Где я?

Вы у местного жителя. Его имя — Кузьма Петрович Завьялов, 1877 года рождения. Он спас вас из болота и доставил сюда. Сейчас вы в охотничьей избушке. Командир, я настоятельно рекомендую соблюдать осторожность. Если вы выдадите себя — последствия могут быть непредсказуемыми.

— Я помню. Связи нет. Мы застряли.

Именно.

В дверях показался старик. Бородатый, морщинистый, в стеганой ватной фуфайке, которая была ему велика на два размера. В руках — кружка с парящей жидкостью.

— Очухался, слава тебе Господи, — сказал Кузьмич и перекрестился. — А я уж думал, не встанешь. Пей, сынок.

Максим с трудом приподнялся на локтях. Каждое движение отзывалось болью, но уже не такой острой, как в первые дни. ИБИ работал на регенерацию, ускоряя метаболизм в полтора раза — организм жрал ресурсы как печь.

— Спасибо, — он взял кружку. Это был отвар из трав — странный, горьковатый, но живительный. — Кто вы?

— Я-то? Кузьмич я. Местный. А ты, парень, откедова такой взялся? Не наш ты, сразу видно. И одежда на тебе была нашенскому глазу непривычная.

Максим помолчал, делая вид, что собирается с мыслями. ИБИ тем временем анализировал ситуацию и выдавал рекомендации.

Семантические паттерны речи Кузьмича указывают на доверие. Вероятность того, что он представляет угрозу — 2 процента. Рекомендую тактику кратковременной потери памяти. Это объяснит ваше незнание местной культуры и отсутствие документов.

— Я не помню, — тихо сказал Максим. — Почти ничего. Когда упал — ударился головой. Помню только... огонь. Взрыв. И темноту. А как сюда попал — не помню.

Старик покивал понимающе.

— Бывает. Я на войне такого насмотрелся. Контузия — это не шутка. У нас в полку один солдат после разрыва три недели никого не узнавал. А потом отошел. Так и ты отойдешь.

Кузьмич присел на край нар, подкинул дров в печь.

— Меня Кузьмой кличут. Живу я тут, в тайге, кордон мой. К деревне ближайшей — восемнадцать верст. Ты, парень, лежи пока. Раны твои нешуточные я видал — ребра поломаны, нога вся синяя. Но организм молодой, здоровый справится.

Максим кивнул и снова откинулся на подушку, которую старик смастерил из собственной шинели. ИБИ уже строил планы реабилитации, рассчитывая оптимальный режим нагрузок и питания для ускоренного восстановления.

Шли дни.

Максим лежал, пил отвары, ел жидкую кашу и медленно, но верно приходил в себя. ИБИ управлял регенерацией как опытный хирург — направлял ресурсы организма на самые критические участки, ускорял деление клеток, подавлял воспаления. Обычному человеку на восстановление после таких травм потребовались бы месяцы. Ему хватило трех недель.

Всё это время он по крупицам собирал информацию.

— ИБИ, что известно об этом мире?

Провожу анализ на основе наблюдений и разговоров Кузьмича. Планета Земля, 1941 год от местного летосчисления. Технологический уровень — ранний индустриальный. Нет гиперприводов, нет силовой брони, нет плазменного оружия. Вооруженные силы большинства государств используют химическое стрелковое оружие калибром 6-8 мм и артиллерию.

— Авиация?

Примитивная. Винтовые двигатели, дозвуковые скорости. Но эффективная для уничтожения незащищенной пехоты и легкобронированных целей.

— Значит, мы на дне.

Буквально. Но есть и положительные моменты: человеческая физиология здесь идентична аргосской. Вы не отличаетесь от местных внешне. Адаптация возможна.

Главный шок ждал его на второй неделе, когда Кузьмич, разговорившись о жизни, упомянул:

— ...а германцы-то, собаки, опять лезут. То одну страну захватят, то другую. Чует мое сердце — до нас доберутся.

— Какие германцы? — переспросил Максим.

Фашистская Германия. Государство в центре Европы. Во главе с Адольфом Гитлером. Агрессивная экспансия. Высокая вероятность вооруженного конфликта с СССР.

ИБИ тут же выдал краткий исторический обзор, загрузив в сознание Максима информацию о Версальском договоре, приходе нацистов к власти, аншлюсе Австрии, Мюнхенскомговоре.

Максим помрачнел.

— Большая война будет, Кузьмич, — сказал он. — И скоро.

— Дай-то бог, чтобы нет, — вздохнул старик. — А только чует моя душа — быть беде.

К концу третьей недели Максим уже вставал самостоятельно.

Ходить было больно — колено еще не до конца восстановилось, но ИБИ обещал, что через две недели он сможет бегать. Ребра срослись. Кровоподтеки сошли. Он выглядел, как обычный человек, только слишком худой для своего роста.

ИБИ продолжал анализировать. Каждый разговор с Кузьмичем, каждая новость, услышанная от случайных односельчан (когда они заходили к старику за патронами или солью), каждый взгляд на предметы быта — всё превращалось в данные.

— Винтовка в углу, — заметил как-то Максим.

Анализ выполнен. Винтовка системы Мосина, образца 1891 года. Калибр 7,62×54 мм. Магазин на пять патронов, интегральный. Скорострельность — десять-двенадцать выстрелов в минуту при целевой стрельбе. Эффективная дальность — 800 метров. Конструкция надежная, но технологически устаревшая по сравнению с аргосскими аналогами. Может быть использована в качестве временной замены.

— Глупо. Космический десантник с винтовкой позапрошлого века.

Выбора нет, командир. Лучше хоть какое-то оружие, чем никакого.

Местная политическая карта сложилась в голове окончательно к концу месяца. СССР — государство, на территории которого он оказался. Враждебное окружение. Грядущая война с Германией.

— Я отсюда не выберусь, — сказал Максим вслух, когда остался один.

К сожалению, да. Уровень технологического развития Земли не позволяет построить гиперпередатчик или космический корабль в обозримом будущем. Ближайшая космическая программа запустится в лучшем случае через двадцать лет.

— А если ускорить прогресс?

Это возможно, но опасно. Вмешательство в развитие цивилизации, находящейся на грани глобальной войны, непредсказуемо. Однако... теоретически, вы могли бы передать некоторые знания, замаскировав их под собственные изобретения.

Максим задумался.

Вернуться на Аргос нельзя. Флот, скорее всего, уничтожен. Империя, возможно, пала. А он — последний офицер абордажной группы — застрял на отсталой планете, где люди убивают друг друга патронами и порохом.

Но он не умер. И спас его простой старик-охотник.

— Долг чести, — пробормотал Максим. — Я отдам его.

— Кузьмич, — обратился он к старику однажды вечером. — Мне нужно в город.

— Чего это вдруг? — насторожился дед.

— Мне нужны документы, — сказал Максим. — Я ничего не помню о себе. Ни фамилии, ни имени, ни где родился. Если найдут меня без бумажек — примут за диверсанта или шпиона. А сейчас время такое.

Кузьмич долго молчал, тербил бороду, а потом вздохнул тяжело.

— Эх, сынок. Есть у меня кое- что. Друг у меня был, Тимофей Волков. Погиб в тайге пол-года назад — медведь задрал. А сын у него, Алексей, годом раньше пропал без вести. Мужики искали — не нашли. В тайге оно просто: раз медведь уволок, то и костей не соберешь. Тимофей с горя в запой ушел, да сердце не выдержало. Никого не осталось.

Старик замолчал, будто взвешивая слова.

— Но документы на Алексея у меня сохранились. Тимофей оставил на хранение, когда уходил в последний раз на охоту. Так и лежат в сундуке. Ты парень его ровесник, примерно. И лицом похож. Сделаем тебе справку, фото — будешь Алексей Волков. Никто и не узнает.

Максим сжал губы. Воровать чужую личность не входило в его моральный кодекс, но...

— Командир, это единственный способ легализоваться. Без документов вас арестуют или расстреляют как шпиона, — напомнил ИБИ.

— Согласен, — сказал Максим. — Спасибо, Кузьмич.

— Да не за что, — буркнул старик. — Тимофею всё равно теперь документы не нужны. А тебе в самый раз. Завтра чуть свет едем в райцентр.

Через три дня они вернулись из города.

Поездка вышла тревожной. На станции, где они ждали попутную машину, люди толпились у репродуктора, и голос диктора, хриплый и взволнованный, разносился над площадью:

— Внимание! Внимание! Говорит Москва! Передаем важное правительственное сообщение! Сегодня, 22 июня 1941 года, в 4 часа утра без объявления войны германские войска напали на нашу страну...

Максим почувствовал, как земля уходит из-под ног. Не от слабости — ИБИ уже укрепил его достаточно. От осознания. Началось.

В райцентре было суетно. Очередь в военкомат, молодые парни с рюкзаками, женщины в слезах. Кузьмич отвел его в сторону, сунул в руки потрепанную папку.

— Вот, — сказал он. — Твои документы. Справка о рождении, характеристика, всё как надо. Фотографию сделали — повезло, что ты похож на Алексея. Так что пользуйся, да имя его смотри не опозорь!

Максим — теперь уже Алексей Волков — заглянул в папку. Старая, пожелтевшая бумага, казенные печати, чернила. И фото — он собственной персоной, только без штампов и чипов.

— Спасибо, Кузьмич, — сказал он искренне. — Я твой должник.

— Брось, — старик отвернулся, пряча глаза. — Ты мне ничего не должен. Я сам тебя подобрал. Значит, судьба.

Они вернулись в избушку уже затемно.

В ту ночь Максим не спал.

Лежал на нарах, смотрел в потолок и слушал, как ИБИ анализирует ситуацию.

— По имеющимся данным, вермахт перешел границу СССР на всем протяжении от Баренцева до Черного моря. Немецкие войска используют тактику блицкрига — массированные танковые клинья, поддержка авиации, окружения. Пограничные сражения проиграны. Красная армия отступает.

— Они не готовы, — тихо сказал Максим.

Совершенно верно. СССР не ожидал нападения в 1941 году. По нашим расчетам, Сталин планировал начать войну не раньше 1942-го. Разгром 1941 года — почти неизбежность.

— Если ничего не менять.

Вы предлагаете вмешаться?

Максим помолчал. Он вспомнил Аргос. Свою родину, которая, возможно, уже сожжена хоросами. Империю, которая пала, потому что ее военачальники не успели адаптироваться к новой тактике врага.

— Я не могу вернуться домой. Моя цивилизация погибла. Возможно — навсегда. — Он говорил тяжело, каждое слово давалось с трудом. — Но я жив. ИБИ, я жив благодаря этому старику, который вытащил меня из болота. Я живу среди этих людей. И если они сейчас развалятся под натиском врага — это отдалит их от космоса на десятилетия, а то и на века.

— Вы хотите ускорить их прогресс?

— Я хочу выжить. А для этого им нужно выиграть эту войну. — Максим сел на нарах. — Завтра пойду в военкомат. Запишусь добровольцем.

— Ваше физическое состояние не идеально, но достаточно для ведения боевых действий. Метаболизм увеличен на 65 процентов. Регенерация ускорена. Я смогу компенсировать остаточные повреждения.

— Дело не в теле. Дело в том, что я должен это сделать. — Он усмехнулся. — Солдат всегда остается солдатом. Даже если его империя пала.

Утром, когда Кузьмич проснулся, Алексей Волков уже сидел за столом, начищенный, с перевязанным мешочком для документов.

— Кузьмич, — сказал он, — дай мне свою винтовку.

Старик нахмурился, но спорить не стал. Он все понял без слов. Снял со стены мосинку, протянул.

— С ней я всю Империалистическую прошел. Хорошая была. Храни тебя Господь, Алексей.

Максим взял оружие. ИБИ тут же запустил анализ.

Винтовка системы Мосина, 1891 года выпуска. Идентификационный номер... состояние удовлетворительное. Рекомендации: заменить приклад, установить оптический прицел (при наличии), модернизировать магазин. При желании я могу составить чертежи для полной переделки под современные — местные реалии — стандарты.

— Потом, — мысленно ответил Максим.

Он вышел из избушки. Тайга шумела привычно, своенравно. Солнце только поднималось, разгоняя утренний туман над болотом, где три недели назад он нашел свою смерть — и свое новое рождение.

— ИБИ, — сказал он вслух, уже шагая по тропе к дороге.

— Слушаю, командир.

— Отныне я не Максим Ким. Забудь это имя до особого распоряжения. Я — Алексей Волков, красноармеец, доброволец. Никаких футуристических терминов, никаких упоминаний Аргоса, космоса, империи. Вся передача информации — только мысленно. Понял?

— Так точно. Идентификационные данные обновлены. Приступаю к созданию новой лингвистической базы с учетом местных реалий.

— Хорошо. — Алексей остановился, оглянулся на избушку. Кузьмич стоял на пороге, крестил его в спину. — И последнее. Ты помогаешь мне всем, чем можешь. Расчет траекторий, поправки на ветер, если встретим технику подсветишь места наиболее уязвимые, постоянно анализируй все происходящее вокруг — всё. Понял?

— Выполню в полном объеме, командир. Удачи.

— Удачи нам, — поправил Алексей.

Он вышел на большак, где пылили грузовики с мобилизованными, и поднял руку.

Война звала его.

Глава 2. Дорога на фронт

Дорога до райцентра заняла полдня.

Алексей шагал по обочине большака, иногда поднимая руку попутным машинам. Но в первые дни войны порядок был простой: грузовики шли на запад, набитые красноармейцами до отказа, и останавливались редко, но Алексей не обращал внимания на это, ему нужно было все обдумать и дорога для этого подходила идеально!

ИБИ, еще раз по документам. Все чисто?

Анализ завершен. Справка о рождении выдана в сельсовете села Верхние Медведи. Характеристика с места жительства подписана председателем колхоза — по словам Кузьмича, тот человек старый и слепой на один глаз. Вероятность проверки — минимальна. Фотография соответствует вашим антропометрическим данным с погрешностью 7 процентов. Для местной бюрократии этого достаточно.

— Значит, я Алексей Волков.

Вы Алексей Волков.

К полудню он добрался до города. Железнодорожная станция была забита народом — женщины с узлами, дети, старики, и среди всего этого хаоса — военные. Кто-то в форме, кто-то в гражданском, с чемоданами и мешками, толпились у длинного деревянного здания с вывеской «Военкомат».

Очередь была огромная. Молодые парни, мужики постарше, даже несколько мальчишек лет шестнадцати — все хотели на фронт. Кто по зову сердца, кто потому, что приказали: «Добровольцев берут без очереди».

Алексей встал в конец очереди и принялся ждать.

ИБИ, проведи анализ физического состояния призывников.

Выполняю. Средний возраст — 25 лет. Физическое развитие — ниже среднего. У большинства — признаки хронического недоедания. Только 12 процентов имеют базовую военную подготовку. Реакция на стресс у 87 процентов — неудовлетворительная.

— Войну выигрывают не мускулы, — мысленно ответил Алексей. — Войну выигрывают головой.

И оружием, командир.

— И оружием, — согласился он.

Очередь двигалась медленно. Люди перешептывались, курили самокрутки, делились слухами. Кто-то говорил, что немцев уже разбили под Минском. Кто-то — что они в ста километрах от Москвы. Правду не знал никто.

Через два часа Алексей оказался перед столом. За ним сидел капитан — лет сорока, с усталыми глазами и черными кругами под ними. Третий день военкомат работал без сна.

— Документы, — бросил капитан, даже не подняв головы.

Алексей протянул папку. Капитан пролистал бумаги, мазнул взглядом по фотографии, глянул на самого Алексея.

— Волков Алексей Тимофеевич. 1917 года рождения. Место жительства — село Верхние Медведи. Образование — четыре класса. Работа — охотник-промысловик.

— Так точно, — сказал Алексей, отчеканив каждое слово.

— На здоровье нет жалоб? — капитан поднял глаза. Взгляд цепкий, профессиональный.

— Здоров как бык. — отчеканил Алексей — В тайге вырос.

Капитан усмехнулся — впервые за день.

— Хорошо. Рост, вес? — он взял чистый бланк.

ИБИ подсказал оптимальные параметры, которые не вызовут подозрений.

— Рост сто семьдесят восемь, вес семьдесят два.

— Шрам на левом предплечье, — Алексей закатал рукав. Шрам остался от тренировочного боя на Аргосе — удар виброножом рассек защиту «Крепости». Местные сочтут его последствием драки с медведем или несчастным случаем.

— А где справка с медкомиссии? — Не успел. Война началась, я сразу сюда.

Капитан молча выписал направление на медкомиссию, но руку не протянул. Вместо этого он долго смотрел на Алексея — так, будто проверял что-то, невидимое глазу.

— Охотник, говоришь.

— Так точно.

— В армии служил?

— Нет. Не призывали. Бронь на промысел была.

Это была ложь, но ИБИ подтвердил: практика бронирования опытных охотников в приграничных районах существовала. Спросонья военкоматчик не полезет проверить.

— Ладно, Волков, — капитан поставил печать. Печать легла ровно, с легким стуком. — Проходи комиссию. Если врачи пропустят — будешь зачислен.

— Спасибо, товарищ капитан.

— Не благодари. Удачи на комиссии.

Медицинская комиссия заняла еще час. Врачи — уставшие, в потных гимнастерках — мельком осматривали новобранцев. Сердца, легкие, зрение, слух. Алексей прошел как нож сквозь масло. ИБИ регулировал давление, пульс, дыхание — показатели были идеальными, но не сверхъестественными. Достаточно, чтобы признать «годен к строевой», но не настолько, чтобы привлекать внимание.

— Волков! — окликнул его лейтенант в коридоре военкомата. — Ты в какой роте?

Алексей обернулся.

— Пока ни в какой, товарищ лейтенант. Меня только что зачислили.

— Лейтенант сунул ему в руки предписание. — Отправляют на ускоренные курсы. Запасной полк, станция Бердишево. Поезд через три часа, второй путь, вагон двадцать семь. Вопросы?

— Вопросов нет.

— Тогда крууугом и шагом марш на погрузку!

Ускоренные курсы молодого бойца были устроены по принципу «выживет сильнейший».

Две недели в полевом лагере, где спали в палатках по сорок человек, ели из одного котла, а учебный день длился с пяти утра до десяти вечера. Сержанты — обстрелянные, прошедшие Финскую — гоняли новобранцев без жалости.

ИБИ, веди полный учет нагрузок. Мне нужно выглядеть сильным, но не подозрительным.

Принято. Режим «Маскировка» активирован. Физические показатели будут демонстрироваться на 65 процентов от реальных возможностей. Этого достаточно, чтобы быть лучшим среди новобранцев, но не вызвать вопросов у инструкторов.

Первые три дня — строевая подготовка. Алексей выполнял команды с такой четкостью, что сержант Дорохов, старый волк с нашивками за ранения, однажды спросил:

— Волков, ты точно в армии не служил?

— Нет, товарищ сержант. Охотник. В тайге дисциплина нужна — ошибка стоит жизни.

Дорохов хмыкнул, но промолчал. А на четвертый день начались стрельбы.

Полигон был простым деревянным щитом с нарисованными кругами. Оружие — старая, но рабочая трехлинейка, точно такая же, как у Кузьмича. Алексей взял винтовку в руки, и ИБИ тут же выдал полную аналитику:

Винтовка Мосина образца 1891/30 годов. Состояние ствола — удовлетворительное. Разброс пуль на дистанции 100 метров — 8-10 сантиметров. Для демонстрации рекомендую показать результат 48 из 50. Этого достаточно для лучшего показателя среди группы, но не вызовет подозрений у инструкторов.

Он занял позицию и открыл огонь!

Первая пуля. Вторая. Третья.

Поправка на ветер — 2 сантиметра влево. Упреждение по цели — ноль.

Поправку внес. Результат — десять из десяти в «яблочко».

Когда стрельба закончилась, сержант Дорохов подошел к мишени, осмотрел пробоины и присвистнул.

— Волков, ты где так стрелять научился?

— Я белок в тайге с пятидесяти метров из мелкокалиберки в глаз бил. А эта винтовка — для меня как родная.

— Белок, говоришь, — Дорохов покачал головой. — Ну давай проверим, как ты на двести метров стреляешь.

Алексей отстрелялся и на двести, и на триста, и на пятьсот метров.

ИБИ выдавал поправки на ветер, влажность, температуру ствола, износ винтовки, даже на вращение Земли — хотя на коротких дистанциях это было незаметно. Пули ложились одна в одну, пробивая старые мишени в тех местах, где дерево уже превратилось в труху.

К концу стрельбы вокруг Алексея собралась полрота. Солдаты смотрели с уважением, смешанным с недоверием. Так не стреляет обычный охотник. Так стреляют снайперы после многолетней подготовки.

— Волков, — сержант затушил бычок о приклад. — Будешь обучать остальных. Завтра с утра — твои занятия по огневой подготовке.

— Слушаюсь, — ответил Алексей.

Командир, ваши показатели вызвали интерес. Рекомендую сократить демонстрируемые результаты на следующих занятиях.

— Поздно, ИБИ. — мысленно усмехнулся Алексей. — Ладно, пусть считают, что я самородок. В тайге, говорят, и не такое рождается.

Рукопашный бой начался на второй неделе.

Инструктором был старшина Грищенко — коренастый, с выбитыми передними зубами и руками, покрытыми шрамами. Бывший боксер, а перед войной — инструктор по самбо в Киевском военном округе.

— Показываю базовые приемы, — сказал он на первом занятии. — Защита от удара ножом. Освобождение от захвата. Удар в корпус.

Алексей смотрел и видел детские забавы. На Аргосе рукопашный бой был доведен до совершенства — удары наносились с учетом кинетической энергии брони, захваты ломали суставы без возможности восстановления, а против хоросов, чья физиология отличалась от человеческой, использовались совсем другие техники.

Но он сдерживался. Показывал ровно столько, сколько нужно, чтобы быть лучшим, но не сверхчеловеком.

До спарринга.

— Волков, — гаркнул Грищенко. — Выйди. Покажешь, чему научился.

Против Алексея вышел рядовой Семенов — бывший уголовник, здоровенный детина с бычьей шеей и кулаками размером с голову младенца. Семенов ухмылялся, уверенный в своей силе.

— Осторожно, охотник, — пробасил он. Смотри как бы не зашиб!

ИБИ, анализ мышечной структуры противника.

Выполняется. У Семенова хорошие показатели силы верхнего плечевого пояса, но слабая защита корпуса. Рекомендую удар в солнечное сплетение с последующим захватом. Для демонстрации используйте 30 процентов реальной силы.

Когда Семенов бросился вперед, Алексей ушел в сторону плавно, как вода, и нанес короткий удар — точь-в-точь в солнечное сплетение. Здоровяк выдохнул, согнулся пополам, и Алексей, взяв его за руку, мягко, но неумолимо прижал к земле.

В зале повисла тишина.

Грищенко смотрел так, будто увидел привидение.

— Волков... где ты этому научился, я такому вас не обучал!

— Тайга научила выживать — спокойно ответил Алексей, поднимаясь. — Медведя не обманешь силой. Только техникой.

— Медведя... — повторил Грищенко. — Ну, допустим.

Инструктор явно не поверил в «тайгу», но спорить не стал — на войне каждая пара умелых рук на вес золота, и выяснять происхождение этих рук не было ни времени, ни желания.

На выпуске — через четырнадцать дней после начала — Алексея Волкова, сержанта (звание дали «за выдающиеся успехи в боевой подготовке»), вызвали к командиру полка.

Полковник Сеницын сидел за столом, заваленным картами. Ему было под пятьдесят, лицо в сетке морщин, взгляд тяжелый, пристрелянный.

— Волков, — сказал он, читая личное дело. — 1917 года рождения. Охотник-промысловик. Подготовку закончил с отличием по всем дисциплинам. Стрельба — отлично. Рукопашный бой — отлично. Тактика — хорошо.

— Так точно, товарищ полковник.

— Офицерского звания не имеешь, но командирские задатки — есть. — Сеницын отложил папку. — Воевать тебе придется сразу сержантом, справишься? Справлюсь товарищ полковник! Назначаю тебя командиром стрелковой роты. Взводных дадут из сержантов — таких же, как ты. Комиссара пришлют из политсостава. Вопросы?

— Вопросов нет!

— Выдвижение через два часа. Погрузка на станции. Эшелон на запад. Задание — занять оборону в районе... — полковник запнулся, глянул на карту. — Впрочем, обстановка меняется каждый час. На месте получишь приказ. Свободен.

— Разрешите идти?

— Иди.

Поезд на запад отходил в 22:00.

Вагон был обычным — теплушка, как их называли. Деревянные нары в три яруса, печка-буржуйка посередине, тусклая лампочка под потолком. В таком вагоне везли людей, лошадей, технику — всё, что могло влезть.

Рота Алексея заняла два вагона. Сто пятьдесят человек — от мала до велика. Вчерашние школьники, рабочие с заводов, колхозники из деревень. Все они прошли двухнедельные ускоренные курсы — комок из строевой, стрельб, политических занятий и нескольких часов сна в сутки.

Алексей занял место у двери — так удобнее выходить первым в случае тревоги. За ним, на нарах, расположились его взводные — младшие командиры, которых он сам отобрал из лучших новобранцев.

— Товарищ сержант, — обратился к нему рядовой Цаплин, худой паренек с ростом под два метра, за что его прозвали «Дыбом». — Долго нам ехать?

— До передовой — двое суток, если без бомбежек, — ответил Алексей. — Можете спать. Отдыхайте. На фронте выспаться не дадут.

Поезд дернулся, лязгнули сцепки, и медленно, со скрипом, начал движение. За окнами проплыли огни станции, потом дома, потом — черная стена леса.

Вагон быстро наполнился запахом махорки, портянок, людского пота. Кто-то запел тихую, тягучую песню, кто-то уже храпел, свернувшись калачиком на верхних нарах.

Алексей не спал.

ИБИ, карта местности.

Вывозу на нейросенсорную проекцию. Текущий маршрут: станция Бердишево — Брянск — Гомель — Минск. Далее — неизвестность, так как фронт подвижен. Согласно данным радиоперехвата, немецкие войска прорвали оборону в трех местах и продвигаются на восток со скоростью до 30 километров в сутки.

— Они нас окружают.

Да. Вероятность того, что эшелон попадет в зону боевых действий до прибытия в назначенный пункт — 78 процентов.

— Значит, готовимся к бою раньше, чем планировали, — сказал Алексей.

Он отдал мысленный приказ ИБИ активировать режим повышенной бдительности. Все системы импланта перешли в состояние «ожидание» — малейший подозрительный звук, изменение скорости движения поезда, даже колебания температуры в вагоне должны были быть зафиксированы.

Первую ночь проехали спокойно.

Утро второго дня выдалось серым, дождливым. За окнами мелькали станции, полустанки, разъезды — везде было одинаково: толпы людей, мешки, повозки, военные в форме и гражданские в рванье, старухи, крестьянские уходящие эшелоны.

Алексей то и дело выглядывал наружу. Его беспокоила местность — леса подступали к железной дороге вплотную. Идеальное место для засады. В любом учебнике по партизанской войне такие участки помечены красным.

ИБИ, оцениваю местность. Слева и справа — густой лес. Возможные места для размещения диверсионных групп — каждые 200-300 метров.

Согласен, командир. Вероятность минирования пути и последующей засады высока. Рекомендую провести инструктаж личного состава.

Алексей поднялся.

— Взводные, ко мне.

Четверо младших командиров собрались у его нар.

— Слушайте приказ. Сейчас мы входим в зону, где возможно действие немецких диверсантов. Передайте бойцам: спать по очереди. Оружие держать при себе. При сигнале тревоги

— покидать вагон через торцевые двери, не толпиться. Раненых выносить если таковые будут, в вагоне не оставлять. Вопросы?

— Товарищ сержант, — спросил взводный Петренко, плотный мужик с Донбасса, работавший до войны шахтером. — А если поезд подорвут?

— Значит, будем отбиваться, — жестко сказал Алексей. — Мы — солдаты. Точка прибытия — передовая. А на передовой возможно все!

Он не сказал им всего. Не сказал, что спит урывками, каждую секунду обрабатывая данные от ИБИ. Не сказал, что уже мысленно прорепетировал, как выводит людей из горящего вагона, как организует оборону, как находит слабые места во вражеских порядках.

Не сказал, потому что это напугало бы их еще больше.

Они ехали дальше.

Подрыв произошел в 4:48 утра.

Алексей не спал — он вообще почти перестал спать, переключив организм на режим коротких пятиминутных погружений в микросон, что было достаточно для поддержания боеспособности. ИБИ толкнул его в сознание за долю секунды до взрыва.

Сейсмическая активность! Мина или фугас под рельсами! Командир!

Алексей вскочил. Время замедлилось — ИБИ переключил восприятие на режим боевой аналитики.

Взрыв разорвал ночь. Состав дернулся так, будто великан ударил по нему кувалдой. Вагоны заскрежетали, посыпались стекла, где-то заорали люди — сразу много людей, панически, нечеловечески.

— **Ложись!** — заорал Алексей, но его голос утонул в грохоте.

Поезд продолжал движение еще несколько секунд, а потом передние вагоны начали заваливаться — рельсы были разрушены, шпалы разворочены, земля превратилась в воронку. Вагон Алексея дернулся, накрылся, и люди, спавшие на верхних нарах, полетели вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.